

СЕРГЕЙ ПАНФЁРОВ

ЕДИНЕНЬЕ
НЕБА И ЗЕМЛИ

* * *

*Митрополиту Тихону
(Шевкунову)*

Горит свеча
неугасимая,
и колокольный
слышен клич...
Не объяснить
необъяснимое
и тайны вечной
не постичь.

Хранит незыблемая
ризница
и чувств, и мыслей чистых
взлёт,
но к тайне лишь
душа приблизится,

ПАНФЁРОВ Сергей Юрьевич родился в 1962 году в посёлке Александро-Невский Рязанской области. Окончил Саратовский юридический институт. Ветеран органов прокуратуры. Автор шести поэтических сборников. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов и премий. Член Союза писателей России. Член правления Рязанского регионального отделения Союза писателей России. Живёт в г. Кораблино Рязанской области.

а разум тайну
оттолкнёт.

И потому
в напрасном рвении
и пустословном
кураже
не трону хладным
рассуждением
то, что ниспослано
душе.

* * *

Первый день в году. Сугробы снега.
Прочищаю стёжку до крыльца.
Словно после длительного бега,
Капли пота катятся с лица.

Вот оно, исконное, простое,
Единенье неба и земли.
Торжеством вселенского покоя
Покрывала снежные легли.

Тихой песней — скрип под сапогами.
Радуются тело и душа.
Небо смотрит светлыми глазами,
Мудростью безмолвия дыша.

УШКУЙНИКИ

Спой, гусяр, нам про удаль былую,
Сердцем тронь золотую струну.
Спой о том, как седлали ушкуи
Запряжённую ветром волну.

Как спешили бесстрашные кмети
Над взволнованной волжской водой
Новгородским разбоем ответить
На великий ордынский разбой.

Помнят древние наши скрижали,
Где ильменьские воды текли,
Там крепчали в боях, там мужали
И рвались из ордынской петли

Беспримерные волховы дети.
Призадумался дрогнувший враг,
Сплёл свои хитроумные сети,
Неизбывный почувствовав страх.

Приклонил чингисхановы стяги,
Распахнул кочевые шатры,
Для нахлынувшей русской отваги
Расстелил расписные ковры.

Новгородцы не знали коварства
И, устав от военных побед,

Без оружия, в парадных убранствах,
Появились на званый обед.

Ночь спустилась на пьяной кобыле,
Рассыпая созвездий венки,
И рубили уснувших, рубили
Чингизидов кривые клинки.

Но недаром кровавые реки
Обагрили зловещий обман —
Перепуганы узкие веки,
Дрогнул дух боевой басурман.

И всё чаще мерещилось всуе
Степнякам, что кичились ордой,
Как летят боевые ушкуи
На врагов по-над волжской водой.

ЗМЕЯ У РОДНИКА

Она лежала
грозным завитком,
на влажном камне
охлаждая кожу.
И взгляд её
с могильным холодком
следил за мной
всё пристальней, всё строже.

Как поступить?
Вернуться без воды?
но жажда битый час
меня пытала.
Поднять корягу,
чтобы от беды
змею ударом сбросить
с пьедестала?

И зачерпнуть
воды манящей горсть.
И пить её прохладу
с наслаждением,
забыв, что в этом царстве
я — лишь гость,
змея — царица здесь
со дня рожденья..
Пока в своих сомненьях
медлил я,
она скользнула прочь
без сумасбродства.
И я подумал:
в жизни и змея
не лишена, бывает,
благородства.